

63.3(2-2 стр. 566.)

Т 70

Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России.

МАТЕРИАЛЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

16-17 сент. 2014г.

Министерство культуры Московской области
Сергиево-Посадский государственный
историко-художественный музей-заповедник

**Троице-Сергиева лавра
в истории, культуре
и духовной жизни России:**

Духовное служение Отечеству

**МАТЕРИАЛЫ IX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

16–17 октября 2014 г.

Сергиев Посад
2016

К истории организации охраны Троице-Сергиевой лавры в XVIII — начале XX в. (по документам Учрежденного Собора)

История организации охраны — одна из неисследованных тем в истории Троице-Сергиевой лавры. Косвенно тема затронута лишь в работах иеромонаха Арсения¹. Особый интерес представляет работа о церквях Ильинского прихода (1896 г.) в той ее части, которая прямо посвящена Троицким стрельцам и пушкарям, и затрагивает отдельные вопросы службы так называемых «монастырских» или «Троицких» солдат, которые несли охрану Лавры в первой половине XVIII в., то есть, в части интересующего нас периода истории Лавры.

Сведения иеромонаха Арсения о Троицких солдатах дополняют неизвестные ему протоколы и журналы Учрежденного Собора 1740 — 1750-х годов². Организацию охраны второй половины XVIII — начала XX в. раскрывают документы лаврского фонда в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА): одни прямо освещают вопросы охраны обители, другие — годовые приходно-расходные ведомости — предоставляют дополнительные сведения об организации и численности охраны с 1760-х годов вплоть до конца февраля 1917 г.

Священноначалие Лавры всегда считало охрану делом чрезвычайно важным поскольку *«...церковная де утварь и ризница в той Лавре имеетя знатная, и многоценная разных сортов серебряная и золотая с камнем посуда, жалованная от высочайших предков и других знатных особ, и прочие лаврские во многом числе вещи и разные припасы, чего изобразить кратко невозможно»*. Все это надлежало охранять от пожаров, от *«случающихся под видом богомолья по разным церквам бессовестных людей (...) от воровских ночных или денных нападений и грабительств...»*³. Приведенная цитата относится к 1765 г., но Лавра охранялась от воровских людей уже при преподобном Сергии, который, еще до введения общего жития, поставил *«вратаря»* у ворот своей огражденной *«не зело пространнейшим»* тыном обители.

Более поздние сведения об охране находим в обращении Троицких властей к царю Алексею Михайловичу (в 1651 г.) по поводу содержания *«всяких монастырских людей»*⁴. В обращении сказано, что еще в царствование Федора Ивановича (...) при Лавре имелись *«церковные, воротные и житничные сторожа»*. Само их разделение на посты — свидетельство наличия к концу XVI в. определенной системы в охране Лавры.

Упомянутые сторожа, надо полагать, охраняли Лавру до появления при ней стрельцов. Иеромонах Арсений указывал, что Троицкие стрельцы существовали с 1610 по 1710 г. *«В мирное время, — писал о. Арсений, — Троицкие стрельцы обязаны были стоять на страже при воротах лавры и в других местах, наблюдали за внешним благочинием в подмонастырских слободах, употреблялись на разные посылки. Но частное распределение стрельцов по службам монастырским остается неизвестным. Вероятно, оно было очень близко к тому, какое имели в XVIII в. монастырские солдаты, их прямые наследники»*⁵. В подтверждение цитаты приведем фразу, встреченную в одном из документов Лавры 1760 г.: *«... прежденазываемых стрельцов и пушкарей, что ныне именуются солдаты»*.

В 1711 г. Троицких стрельцов, включенных в состав московского гарнизона, сменили «монастырские» или Троицкие солдаты⁶. В 1756 г. архимандрит Лаврентий (Хочятовский) предписал справиться: *«с какого времени и по чьему повелению некоторые из лаврских служителей вместо стрельцов именовались монастырскими солдатами»*. Отыскать требуемых сведений не удалось *«за сгорением многих дел в бывшие в Лавре пожары»*⁷.

Допустив, что Троицкие солдаты заступили на охрану Лавры в 1711 г., отметим, что еще в 1701 г., согласно составленной в этом году Описи, при Троицкой обители проживало немалое число отставных солдат, унтер-офицеров и даже беспоместных штаб и обер-офицеров; все они находились *«на пропитании»* Лавры из-за преклонных лет, болезней и ранений. Нельзя исключить, что часть отставников могла привлекаться к охране обители. Не исключено также, что после 1711 г. отставники привлекались к охране совместно с Троицкими солдатами, передавая им опыт несения караулов. Опыт солдат-отставников был необходим в силу того, что сменившие стрельцов Троицкие солдаты в армии не служили; они *«были простые крестьяне, без всякой военной выправки»*⁸. Оружия они не

имели, об этом можно судить и потому, что они не служили в армии, и потому, что в документах, где упоминаются Троицкие солдаты, не встречаются сведения об оружии.

Троицкие солдаты набирались из лаврских вотчин, и относились к числу лаврских же служителей. Так, в 1748 г. Учрежденный Собор, удовлетворил прошение воловикова сына И. Нечаева о принятии его в солдаты на место умершего П. Сидорова⁹. В прошении отмечено, что отец, и дед Нечаева служили при Лавре в воловиках. Как видим, Троицкий солдат — не воинское звание, а должность. Сами же эти солдаты — тоже самое, что церковные, воротные и житничные сторожа XVI или Троицкие стрельцы XVII в.

Согласно протоколу Учрежденного Собора от 29 сентября 1760 г. из ста четырнадцати Троицких солдат более половины охраняли саму Лавру: 20 — при воротах и у тюрем (в Каличьей башне), 12 — при храмах, 2 — при Чертогах, 3 — при кельях архимандрита, 2 — при кельях наместника, 1 — при кельях келаря, 1 — при кельях казначея, 2 — при куполе строившийся колокольни, 2 — «в обхожем карауле», 1 — при офицерской караульне «для всяких посылок», 5 — на Часовой башне (над Успенскими воротами) у набатного колокола, 3 — при посаженных под караул «за возмущение» крестьян, 3 — при «смиренной палате», 2 — при палатке с казной в Казначейском корпусе, 1 — при заливной (пожарной) трубе¹⁰.

Вот пример службы Троицких солдат. В апреле 1746 г. Учрежденный Собор слушал доклад «о збитии и уносе неведомо кем [Сошественской] церкви от дверки замка вислого и уносе из [Успенского] кладезя с блюда от подавателей одной копейки с четвертью, и из шкапа ладону четырех фунтов, которое унесено марта на 31 число в ночи ...». При разборе дела вспомнили, что в недавнем прошлом, в 1737—1742 гг., «бывшие внутри Лавры при церквах Божиих на карауле солдаты, когда по ночам для смотру те церкви обходили, тогда в устроенные били держа в руках били молотками, а ныне де оно не исполняется за умалением солдат». Собор определил: «отныне впредь внутри Лавры приставленным при церквах Божиих на карауле солдатам в ночныя часы помянутые били иметь по прежнему, с которыми тем солдатам по пробитии каждого часу около церквей обходить и в то деревянное било молотком бить столко раз, сколько по приличию принадлежит, и как у дверей замки, так и у окошек затворы и железныя решетки осматривать, и для того тем караулным солдатом

во время своих часов отнюдь не спать, но содержать себя во всем предосторожно и опасно, так как о том воинский устав повелевает»¹¹.

Еще пример. В декабре 1746 г. пред Собором предстали два солдата, обвиненные в «умедлении» набатным боем во время ночного пожара в Ильинском приходе, причем, кстати, был разломан дом третьего солдата. Заметив пожар, караульные не успели вовремя подняться на Часовую башню, а, поднявшись, не смогли сразу же ударить в набат из-за сгнившей, по их объяснению, веревки. Разобрав дело, Собор определил одному при собрании солдатской команды «учинить нещадное на Красной горе плетью наказание»; другой был признан негодным к несению службы за старостью и дряхлостью, и лишен жалованья¹².

Сведения о жалованье Троицких солдат находим в Ведомости *«той ж Лавры разного звания служителям и им производимого в год денежного и хлебного жалованья»*, включенной в Опись Лавры 1763 г.¹³ При Лавре на денежном и хлебном жалованье числилось 96 солдат: 86 старших и 10 младших. Старшие получали в год по 2 руб., по 6 четв. ржи, по столько же овса и по 20 фунтов соли; младшие — по 1 руб., по 4 четв. и 4 четверика ржи и овса, по 20 фунтов соли. Отдельной строкой выделены солдаты, стоявшие *«в воротах на караулах»*; они дополнительно получали по половине 16-ти фунтового печеного хлеба.

Набиравшиеся из охочих людей Троицкие солдаты долгие годы не отличались от них и своим внешним видом. Даже в Успенских воротах, через которые народ входил в Лавру, караульные стояли *«в крестьянской одежде кафтанах серых и нагольных шубах, и в мужичьих шапках, и в лаптях»*. В октябре 1753 г. Учрежденный Собор пришел к заключению, что вид солдат *«от приезжающих во святую Лавру знатных богомольцев Троицкой Лавре имеет быть не без зазрения»* и приказал немедленно купить 12-ти караульным шляпы с белой тесьмою и *«построить» «немецкие мундиры — кафтаны из зеленого, а камзолы и штаны, и кафтанов же воротники, а у рукавов завороты из красного сукон, и для зимы одну под сукном теплую епанчу»*. Собор приказал, чтобы *«впредь обретающиеся на караулах солдаты в мужичьем платье отнюдь не стояли, а были б всегда во оном солдатском платье...»¹⁴.*

Троицкие солдаты подчинялись капитану и поручику, которые назначались на эти должности Собором из числа живших на пропитании

Лавры отставников. Так, в 1746 г. капитанскую должность исполнял некто В. Зорин, а затем отставной капитан И. Леонтьев. Последнего сменил отставной поручик И. Пантелеев¹⁵. Леонтьев и Пантелеев отмечены в упомянутой выше Описи 1763 г.¹⁶ Помощником капитана был поручик. Эту должность мог занимать и солдат, как, например, солдат П. Стасов, правивший должность поручика вплоть до ноября 1746 г., когда из-за болезни он был замен отставным капралом М. Беляевым¹⁷. В 1750 г. поручиком был определен гвардии отставной капрал Г. Яновский. Собор приказал ему *«отправление [должности] иметь обще со обретающимся правящим капитанскую должность поручиком Игнатием Пантелеевым и во всем поступать с ним, Пантелеевым, по силе данной из Учрежденного Собора инструкции»*¹⁸.

Текст инструкции неизвестен, но представить его, хотя бы частично, позволяет упомянутая выше выписка из определения Учрежденного Собора от апреля 1746 г.¹⁹ Капитан должен был наблюдать и досматривать за подчиненными утром, и вечером, *«и во время ночных часов»*, наказывать небрежных к службе *«без всякой поноворки»*. Капитан отвечал за хищения лаврского имущества. Капитану с поручиком поручалось наблюдение за порядком во время ежегодных ярмарок на Красногорской площади. С этой целью им придавались крестьяне (до 50 человек), вызванные из ближних селений указами Собора²⁰.

Серьезные изменения в организацию охраны Лавры внес перевод ее на штатное содержание в 1764 г. Сокращение хозяйства и доходов обители потребовало отказаться от услуг капитана, поручика и наемных Троицких (лаврских) солдат²¹. Вместо них охрана Лавры была поручена ее же «штатным» служителям²². Впрочем, в архивных документах штатные служители упоминаются то как *«караульные солдаты»*, то как *«караульные лаврские служители»*²³. Последнее определение наиболее соответствовало их действительному положению.

Подчиняясь распоряжениям Учрежденного Собора Лавры и ее настоятеля, караульные штатные служители охраняли Успенские ворота, церкви, ризницу, следили за целостью замков и печатей на дверях казенных складов и погребов. Со временем им поручили наблюдать за целостью монашеских келий. По распоряжению архимандрита Платона (Левшина) на два постоянных караульных поста при Успенских воротах и при Троицком соборе были сшиты два мундира «зеленого крашенинного сукна с черными обшлагами и заворотниками», по одному мундиру на двух караульных каждого поста²⁴.

Охрана из штатных служителей не отличалась надежностью, и Учрежденный Собор неоднократно сетовал на похищения казенных вещей, на сбитые замки и поломанные «окончины»²⁵. В 1776 г. Собор предупредил караульных, что в случае похищения вещей с тех служителей, которые во время пропажи стояли на караулах, за похищенное будет взыскано втрое²⁶. Со своей стороны караульные ссылались на «великоокружность» Лавры, на привлечение их к колокольным звонам в воскресные и праздничные дни, на другие причины.

Недовольство караульными из числа штатных служителей привело к новым изменениям в организации охраны Лавры. В июне 1793 г. караульным из штатных служителей был оставлен лишь пост при Успенских воротах. Они должны были не пропускать в Лавру кого-либо с вином и не выпускать из Лавры что-либо несущих подозрительных людей. Надзор за самими караульными поручался четверке солдат-инвалидов, присланных по просьбе митрополита Платона (Левшина) из инвалидной команды Москвы²⁷. Солдатам-инвалидам был поручен пост при Троицком соборе. Им же поручался надзор за сохранностью церквей, чертогов, палаток с казенными вещами, охрана келейных корпусов во время заутрени, обедни и вечерни. Солдатам были куплены четыре пары валенок и сшит один на всех мундир зеленого сукна на крашенинной подкладке с деревянными пуговицами²⁸. Мундир надевал заступавший на пост при Троицком соборе.

Инвалиды служили в Лавре до конца октября 1794 г. Опыт оказался не слишком удачным. Из первой четверки, присланной в Лавру из инвалидной команды Москвы, требованиям Лавры удовлетворял лишь один солдат. Из остальных трех один оказался болен, второй «без ноги на деревяшке ходящий», третий — пьяница, к тому же «буйный во хмелю»²⁹. Негодных к службе солдат-инвалидов заменили новыми. В сопроводительном письме к митрополиту Платону начальник инвалидной команды писал: «Я надеюсь, что оными Ваше Высокопреосвященство будет довольны, по крайней мере, из целой команды я выбрал не лучших, но менее худших»³⁰. По прибытии в Лавру, из упомянутых в письме «менее худших» солдат лишь один пожелал остаться; двое других были отосланы обратно в Москву³¹.

Неудовлетворенность службой и качеством солдат-инвалидов, а также замена в 1793 г. пожизненной солдатской службы 25-тилетним сроком, подвигла священноначалие Лавры обратить внимание

на отставных солдат. Начиная с декабря 1797 г., караульных солдат-инвалидов постепенно заменяют вольнонаемные отставники.

Практика показала, что отставники также не всегда были годными к охране Троицкой обители. Так, в 1798 г. на место инвалида, возвращенного в Московскую инвалидную команду из-за пьянства, караульным был принят отставной полковой костоправ И. Селиверстов. В следующем году он купил в Посаде старый дом и обратился в Собор с прошением выдать жалование вперед на ремонт дома. В ответ последовала резолюция митрополита Платона: *«Что на пьянство употребляет, те деньги пусть на сие обратит»*. Вскоре Селиверстова отрешили от должности за пьянство, а принятого на его место отставника П. Короткова уволили за леность³².

Впрочем, в архивных делах нетрудно найти свидетельства противоположного рода. Так, в 1818 г. в число караульных при Троицком соборе был зачислен отставной рядовой В. Николаев, уволенный из армии *«за полученною раною и неспособностью к службе»*. Три года спустя Собор свидетельствовал, что Николаев, *«находясь в Лавре при караульной должности Троицкого собора и других церквей, вел себя честно, трезво и добропорядочно, и ни в каких худых качествах не замечен»*³³.

Судя по приходно-расходным книгам, установленный в 1793 г. порядок охраны Лавры не изменялся вплоть до февраля 1825 г.³⁴ Караул при Успенских воротах несли штатные служители. Троицкий собор охраняла четверка вольнонаемных солдат-отставников. До конца 1810 г. солдаты при Троицком соборе получали по 25 руб. в год. С января 1811 г. им прибавили по 2 руб. С января 1814 г. — еще по 5 руб., итого по 32 руб. в год. С 1815 г. к денежному жалованию добавилось жалование хлебное. Так, в 1823 г. солдаты при Троицком соборе получали по 20 пудов муки, что позволяло ежедневно выпекать 4 фунта хлеба. Кроме того, им выдали две пары кеньгов (род обуви без голенищ).

Толчком к новым переменам в охране Лавры послужила пропажа в декабре 1823 г. из кельи послушника денег и часов, а также неоднократные случаи порчи замков³⁵. Воров не нашли, и в 1824 г. караульных штатных служителей при Успенских воротах заменили отставными солдатами. Окончательно решение об этом было принято 31 октября 1824 г., согласно резолюции митрополита Филарета (Дроздова) на докладе Учрежденного Собора от 8 октября: *«Инвалидов при соборе оставить на прежнем положении, применяясь к тому же поло-*

жению нанять других четверых к воротам, не смешивая их с первыми, а исправнейших при воротах переводя к собору; если не найдутся, продолжать стражу чрез своих; на тот и другой случай составить обстоятельные правила о должности и ответственности привратников»³⁶.

Во исполнение резолюции Собор 14 января 1825 г. постановил нанять к Успенским воротам четырех солдат-инвалидов и подготовил инструкцию из 15 пунктов об охране Лавры; позднее ее отредактировал и утвердил митрополит Филарет³⁷.

Отметим, что в указанных выше документах 1824–1825 гг. имелись в виду не солдаты инвалидных команд, роспуск которых начался в 1823 г., а вольнонаемные солдаты-отставники, пусть даже по состоянию здоровья и не выслужившие весь 25-летний срок службы.

Инструкцией в Лавре учреждались две стражи из четырех солдат в каждой: «*соборная*» при Троицком соборе и «*привратная*» при Успенских воротах. На посту должно было постоянно находиться по одному солдату. По ночам свободные от караула при Троицком соборе стражники должны были по очереди «*обходить церкви и здания от западных дверей Трапезной церкви до Больничных келий, включая церкви Михеевскую, Никоновскую, Сошестввенскую и Смоленскую, и ризницу, а одному из привратников от северных дверей Трапезной церкви до академических зданий, включая собор Успенский и церковь Предтечевскую, осматривая дверь и замки, и о целости каждое утро рапортовать о. наместнику*». Свободные от караула при Успенских воротах по ночам должны были бить часы, а днем отыскивать в Лавре пьяных и подозрительных лиц; первых выводить вон, а вторых отводить к наместнику. Устанавливалась ответственность караульных обоих постов за ущерб, нанесенный казенному имуществу во время их караула.

Инструкция определяла содержание караульных. Караульным при Успенских воротах было положено по 75 руб. в год. Караульным при Троицком соборе полагалось по 60 руб. и, кроме того, мука, крупа и печеный хлеб³⁸. Каждому караулу полагались на год пара теплых кеньгов, шинель и тулуп под серым сукном³⁹. Известно также, что караульные солдаты, по крайней мере, с 1839 г. различались цветом воротников шинелей: у соборной стражи воротник красного, у привратной стражи — черного цвета⁴⁰.

Таким образом, в феврале 1825 г. изменения в порядке охраны Лавры привели к окончательной замене штатных служителей в кара-

уле при Успенских воротах отставными солдатами. Новый порядок охраны сохранялся без существенных изменений вплоть до 1910 г.

Для истории организации охраны Лавры в 1825—1909 гг. представляет интерес обязательство соборной стражи от 10 сентября 1875 г.: *«каждодневно днем и ночью попеременно будет один из нас часовой при Троицком соборе и два подчаска, не отлучаясь от своей обязанности; также в том, что за вещи, которые будем брать у богомольцев на сохранение, в случае пропажи мы отвечаем сообща немедленно, чтобы жалобы на нас не доходили до Учрежденного Собора; виновный же отыскивается нами помимо Собора и отвечает пред нами; а тот из нас, на кого последует жалоба от богомольцев, лишается своего места»*⁴¹.

Отметим также, что в описываемый период произошло увеличение числа караульных при Троицком соборе: до семи человек в 1853 г. Кроме того, были введены должности сторожей при ризнице и при Учрежденном Соборе, дневных и ночных «хожалых» сторожей бульвара и Красногорской площади, сторожей при Введенской церкви, при Смоленском и Успенском кладбищах. Еще одно важное обстоятельство: к началу 1890-х годов в документах финансовой отчетности Лавры караульных при Троицком соборе и Успенских воротах стали называть не солдатами, а сторожами и дворниками (тех, что при вратах). Вероятно, к охране важнейших постов в Лавре привлекались люди не только из числа отставных солдат.

В 1910 г. в организации охраны Лавры вновь произошло изменение. Летом братии и местному полицмейстеру пришлось столкнуться с жестоким и небывалым в истории обители преступлением. В ночь после праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи был убит блюститель Троицкого собора иеромонах Анатолий, его нашли окровавленным на полу своей кельи. Иеромонах скончался от колотой раны шеи и удушения. Для раскрытия преступления из Москвы была вытребована собака *«Трэфъ» особой породы и особо дрессированная*. Собака быстро взяла след и, приведя полицию в помещение *«соборных сторожей»*, принялась обнюхивать штиблеты, хозяин которых в это время отсутствовал. Схваченный в скором времени, он признался в убийстве.

Убийство иеромонаха подвигло священноначалие Лавры заменить вольнонаемную стражу полицейскими служителями. В ноябре 1910 г. при полицейском управлении Сергиевского посада была образована особая команда из семи городских (один старший и

шесть младших). Подчиняясь полицмейстеру Посада, семерка городских находилась на полном содержании Лавры и занималась исключительно охраной ее территории «от ограбления и для сохранения благоприличия и благопристойности публики, как в церквях, так и во всей Лавре»⁴². От старой системы охраны, судя по приходно-расходным ведомостям, после ноября 1910 г. сохранились лишь должности сторожей при Смоленском и Успенском кладбищах и на бульваре вдоль восточной линии крепостной стены⁴³.

Полицейская охрана действовала вплоть до конца февраля 1917 г., когда вслед за падением в России монархической власти была упразднена и царская полиция. Попытка священноначалия Лавры учредить охрану обители силами подчиненной Временному правительству новой милиции не удалась «по дороговизне содержания» последней⁴⁴. В результате, по соглашению с комиссаром Сергиевского посада, были приняты следующие меры: в Лавре «поставлены вооруженные часовые из солдат 29 полка, охраняющие ризницу, [Троицкий] собор, квартиру о. наместника и вход в Лавру. Кроме того, в стенах Лавры помещена воинская команда из 40 человек, как для смены часовых, так и для вызова в случае какого либо покушения на Лавру»⁴⁵. По мнению городского комиссара, принятые меры были вполне достаточны для безопасности Лавры.

Солдаты 29-го пехотного запасного полка охраняли Лавру, по крайней мере, вплоть до конца октября 1917 г., когда, с установлением Советской власти, открылась новая страница в истории России и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Арсений, иеромонах*. Доклады, грамоты и другие акты Троице-Сергиева монастыря о служках. ЧОИДР. М., 1867. кн. 3. *Он же*. Введенская и Пятницкая церкви в Сергиевом Посаде Московской губернии ЧОИДР. М., 1894, кн.4. *Он же*. Казанская и Ильинская церкви Ильинского прихода в Сергиевском посаде Московской губернии. М., 1896.

2. Книги протоколов хранятся в рукописном отделе РГБ (Ф. 303. Оп. 1).

3. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 126 (1765). Л. 3–4.

4. *Арсений, иеромонах*. Доклады, грамоты и другие акты ... С. 55–59.

5. *Он же*. Казанская и Ильинская церкви... С. 8.

6. Там же. С. 6. Московские гарнизонные полки начала XVIII в. положили начало Троице-Сергиевскому резервному батальону, обращенному позднее в одноименный резервный полк.

7. Там же. С. 5.

8. Там же. С. 9.

9. РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 722 (1748). Л. 392–397 об.

10. Там же. Д. 731 (1760). Л. 542–546 об.; См. также. *Арсений, иеромонах*. Казанская и Ильинская церкви... С. 8–9.
11. Там же. Д. 735 (1746). Л. 95–98.
12. Там же. Л. 1181–1183.
13. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 32929 (б/д). Л. 39 об–40.
14. РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 728 (1753). Л. 642. Публикацию протокола см.: *Арсений, иеромонах*. Казанская и Ильинская церкви... С. 9–10.
15. О капитане Зорине см.: РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 735 (1746). Л. 95–98., Л. 1041.
16. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 32929 (б/д). Л. 55,57.
17. РГБ. Ф. 303. Д. 735 (1746). Л. 1041. До назначения на должность поручика Петр Стасов находился «в селе Олявидове у присмотру десятинной пашни».
18. Там же. Д. 725. Л. 445.
19. Там же. Д. 735 (1746). Л. 97–98.
20. Там же. Д. 727 (1752). Л. 291–291 об.
21. Одно из последних упоминаний о Троицких солдатах относится к марту 1764 г. См.: РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23935 (1764). Л. 99.
22. Штатные служители — крестьяне экономического ведомства, добровольно приписавшиеся к Лавре для обслуживания ее хозяйства. Жалованье штатным служителям отпускалось из Коллегии экономии согласно утвержденным штатам, отсюда и название этой группы. Штатные служители и члены их семей подчинялись священноначалию Лавры. В случае выхода или исключения из штата бывший служитель возвращался в число экономических крестьян.
23. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 600 (1776). Л. 1.; Д. 705 (1778). Л. 2–3 об.
24. Там же. Д. 705 (1778). Л. 2–3 об.
25. Там же. Д. 600 (1776); Д. 736 (1778).
26. Там же. Л. 1.
27. Там же. Д. 1885 (1793). Л. 3–3 об.
28. Там же. Д. 2023 (1795). Л. 34.; Д. 1977 (1794). Л. 35–35 об.
29. Там же. Д. 1885 (1793). Л. 9–10.
30. Там же. Л. 12–об.
31. Там же. Л. 14.
32. Там же. Л. 33–35, 39–об., 43–46.
33. Там же. Д. 3158 (1814). Л. 8.
34. Там же. Д. 2023 (1795). Л. 34; Д. 2942 (1811). Л. 1–3; Д. 2942 (1811). Л. 4–4 об; Д. 2942 (1811). Л. 5–7; Д. 3799 (1824). Л. 25 об.–26 об.
35. Там же. Д. 3856 (1824). Л. 2.
36. Там же. Л. 27.
37. В случае недостатка инвалидов, предполагалось определять к караулу штатных служителей, выдавая им половинное против солдат жалованье, т. е. по 3 руб. в месяц. Там же. Л. 27–28, 31–33.
38. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 4085 (1827). Л. 29 об–30.
39. Там же. Д. 3856. Л. 55.
40. Там же. Д. 5351 (1839).
41. Там же. Д. 12209 (1875). Л. 1.
42. Там же. Д. 17688 (1910).
43. Там же. Д. 18535 (1915). Л. 12, 20 об.
44. Там же. Д. 18912 (1917). Л. 44.
45. Из рапорта комиссара Сергиевского посада Московскому губернскому комиссару от 23 марта 1917 г. Там же. Л. 42–42 об. Упомянутый в рапорте 29-й пехотный запасной полк размещался в Посаде незадолго до революционных событий.